

Свидѣтельство Содержателя типографіи Х. Гинце.

№ 445 М. Артемьев 1834.

Снмъ свидѣтельствую что, *мнѣ* подь названіемъ: *Новые*
Докум. Сивскаго Чинаева, со. Сиваушкова
по епль § 33 о Ценеурномъ Уставѣ во вебъмъ сходно съ приложенною
при семъ одобренною рукопшью.

Содержатель типографіи

Х. Гинце.

Ст. ПЕТЕРБУРГЪ, 3 *Апрѣля.*

1834 года.

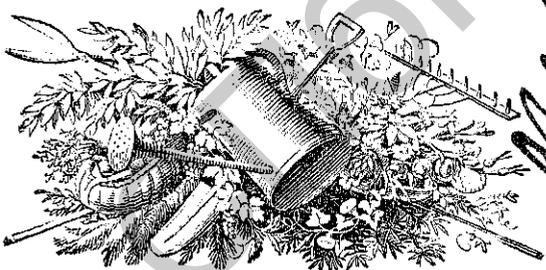
Жизнь в деревне
Е II 10450

НОВЫЕ ДОСУГИ

СЕЛЬСКАГО ЖИТЕЛЯ.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОБОДРА СЛЫШУНКИНА.

Въ деревне дана
8 Августа 1834.
Принтеръ Клементьевъ

12485

ПРОВЕРКА
2007

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Х. ГИЦЕ.

1834.

Лен. Гос. Ун-т
Научная
библиотека им.
Горького

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлены
были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра.

Санктпетербургъ, 2 Февраля 1854.

Ценсоръ А. Шкитенко.

Н О В Ы Е Д О С У Г И

С Е Л Ъ С К А Г О Ж И Т Е Л Я .

СПбГУ

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Иванъ Сусанинъ	1
Семейная любовь	9
Киринъ въ 16 фунтовъ	12
Веселье скорби	15
Прогулка въ Павловскомъ	18
На день 30 Августа 1852 года	23
Бѣе порицанію А. С. Нишкова	27
Русской поселенинъ	28
Ошенинъ Е. П. Алианову	33
Ошенинъ М. Д. Суханову	35
Авросенинъ	37
Цвѣшюкъ. Басня	38
Орѣхи. Басня	40
Черемушка	42
Хмель	46
Ярмонка	48
Шампанское	55
Языкъ	57
Холера	60
Баринъ въ помѣщеніи	64
Надробіе П. П. Терликову	70
Надробіе В. А. Лукьянову	72
Надробіе П. В. Федуркиной	74
На смерть Д. С. Коноповой	75

	СТРАН.
Рыбакъ.....	77
Паспухъ.....	79
Пословица.....	82
Черной годъ.....	86
Табакъ.....	88
Псадекой Ермиль.....	90
Разказъ сбишеньщика.....	92
Священникъ и больной.....	95
Сельской вечеръ.....	97
Привонъ старца.....	107
В. Ф. Федоровой.....	110
Спаршная примѣна.....	111

СП6ГУ

СПбГУ

ИВАНЪ ГУСАНИНЪ.

Осеннихъ дней шумая и шема,
Разеѣлись подь облакамъ:
Дохла грозная зима,
Всѣ рѣки оковала льдами,
И намешала снѣжныхъ горъ!
Въ дремучій лѣсъ, и въ чешой боръ —
Прохожимъ залегла дорога!
У буйныхъ Поляковъ шревога,
Ихъ сила Руская громить!
Булаши бердыши ихъ косятъ;
Кольчаный панцырь, швердый щипъ,
Ударовъ мочныхъ не выносятъ;
Врагамъ Россіи гибель, страхъ!
Конями шончуть ихъ въ снѣгахъ,
Ушли немногіе ошъ кары;

Пожарскій рашуешь Герой,
Россію спасъ, — и стихнулъ бой!
Въ Москвѣ угаснули пожары,
Побѣду празднуешь народъ,
Веселье души оживило:
Провозглашенъ Романовъ родъ, —
Въ Царя избрали Михаила!
И дышетъ радостью Москва.
Уже провѣдала Ливия,
Уже гоновишь ковъ крамола —
На славу Рускаго престола!
Отрядъ лешинъ на Коспрому,
Гдѣ зрѣть умошь, а младъ льбами,
Царь, — Рускихъ избранный сердцами,
Жилъ въ сельскомъ дѣдовскомъ дому,
На пронъ гоноваясь со смиренъемъ,
И чистый сердцемъ въ прошонъ,
Молилъ Творца съ благоговенъемъ,
Его на прона высотъ —
Приосѣнишь благословенъемъ.
Вопъ ночи исчезала мгла,
Но выюга снѣгомъ поле кроешъ,

Львь подь холоднымъ вѣспромъ воешь;
Тогда изъ Домнина села
Почшениый шельь шарикъ крешьянинь,
Ошець семьи Иванъ Сусанинь!
Краса подь сѣдиной цвѣла,
Лилась привѣшность въ разговорѣ;
Казался шарець невысокъ,
Но шаномъ швердъ, въ плечахъ широкъ,
И проицашелеть во взорѣ.
Надёжа сынъ его родной
Шель, какъ Добрыня молодой!
Колешеть вѣшрь его кудрами,
Румянецъ на щекахъ играль,
Мужаснь силой онъ со днями,
Умомъ по силѣ возрасшаль.
Онъ идушъ нешоропливо;
Младое сердце говорливо,
И юноша опцу швердилъ:
« Теперь всемъ радосшь Михаилъ!
« Еще не вѣришся родимой,
« Чшо Онъ Царемъ, Онъ, нашъ любимой,
« Бояринъ, солнышко нашъ свѣтъ!

« Нашъ Ангель! ненаглядный цвѣшь! »
И спарець видя въ умиленьи
Младаго сына восхищенье —
Сказаль : любви Царя, радѣй,
Когда жь возешаншь вражья сила,
Своей ны жизни не жалѣй
За Государя Михаила!
Опасно время! много бѣдъ,
И сердце все чего по ждешъ.
« По чюо вклубилось снѣгомъ поле?
« Смотри, никакъ чюо скачуть къ намъ?
— Бояре мчашея по снѣгамъ
Знашь изъ Москвы по Царской воль.
Сусашшь зорко въ даль глядишь,
Не наши! тихо говоришь,
Бѣда! — враги! — душой смутился,
И на небо перекрещился;
Въ раздумьи онъ онъ соносашъ;
Литовской спрой ужь близко мчишея,
Гремяшь доспѣхи, кони ржашъ,
И паръ по воздуху клубишея;
На ратникахъ сверкаешъ сталь!

Навздникъ прискакаль усапый,
Спросиль Сусанина : — Москаль!
« Гдѣ домъ Романова богатый?
« Тебѣ знакомъ къ помѣстью пушь,
« Веди скорѣй! — вошь золошые. »
А буркой прикрываешь грудь. —
— « Охъ вы бояре дорогіе! »
Сказаль Сусанинъ, « пушь далекъ...
Головъ весни, да дайше срокъ,
Признашесь вамъ, спѣшилъ я къ дому,
Собрашь на шоргъ ячмень, солому,
Да рожь оширавишь на помоль,
Но позамѣшкаюся съ вами,
Такъ сыну накажу словами,
Не ждали бѣ за вечерній споль.
А вы съ дороги ошдохните,
Не заморили бы коней,
Пушь прудный . . вы ихъ покормите. »
Самъ съ сыномъ въ сторону — скорѣй,
И шепчетъ : сынъ мой, Богъ съ шобою!
Бѣги къ Царю, леши шрѣлою,
Скажи, чшобъ онъ спѣшилъ снаспися,

Что здѣсь злодѣи, ... шоропнсь!
Пошли Господь Царю спасенье!...
Мой сынъ! прими благословенье....
Проснн! — а самъ спншншь на зовъ.
« За мной въ дорогу! — я гошовъ,
« Тамъ ближе намъ, да спншь глубокой,
« А здѣсь удобннй, хонъ далеко.»
Веди гдѣ ближе! — Но враги
Желая ускорншь шагн,
Въ нупешню спнжнню попалнсь,
Едва, едва перебралнсь,
Крнчанн : — веди другимъ нупешъ!
— Пожалуй, лнсомъ мы поидемъ,
Сказаль шарнкъ, сюда, бодрне!
За лнсомъ озеро, а намъ
Я покажу нупъ лучше вамъ! »
— « Лншь только бн до села добралнся! »
Бормочешъ гнвно старшнй Ляхъ,
« А Михаилу не оспашнся
Живому; — въ нашнхъ онъ рукахъ! » —
Идушь, а все спншь по колнни,
И къ вечеру ужъ близокъ день:

Усшали Ляхи, слышны пѣни,
Не видно сель, ни деревень,
Въ сердцахъ шашся подозрѣнье,
Во взорахъ ихъ ожесоченье!
— «Куда ведешь ты насъ съдой?
Гляди, весь лѣсъ смелся снѣгой!
Нѣтъ ни тропинки, ни дороги,
Въ какую глушь заведены?
Одни медвѣжьи шупъ берлоги,
Чуныжникомъ завалены!» —
«Пусть долготъ кажешся, родные,
«Тому, кто въ въ первый разъ идешь,
«Но волосы мои съдые,
«Вамъ знакъ, — что я найду здѣсь слѣдь.»
Повель ихъ въ чашу межъ елями,
Здѣсь хлещеть лѣсъ въ глаза вѣшвами,
И слышеть межъ нагихъ деревъ,
Крикъ шницъ ночныхъ, звѣриный ревъ;
Мяшель клубишся къ ночи темной,
Холодный зимній вѣшеръ выль;
Въ дубравъ снѣгомъ занесенной,
Волкъ за добычею слѣдилъ,

И совы зоркія лешали;
Но вошь со вѣхъ створнъ оврагъ;
«Куда?» — Сусанину вскричали,
Куда шы насъ завель злой врагъ?
Погибнешь шы!» — «Когда хошите,
«Вошь голова моя! — рубише!
«Ищете сами вы пуши,
«А до Царя, вамъ недоиши!
«Что спали? говорю вамъ ясно,
«Далеко наше солнце красно!
«Мнѣ смерть близка, я знаю самъ,
«За златоожь душу не оцдамъ!
«У Рускихъ не найдешъ измѣны.»
И палъ Сусанинъ пораженный!
Онъ палъ за Рускаго Царя,
По славой дни его покрылись!
И на бездушный шрупъ смошря
Лишовцы въ шренешъ дивились.

СЕМЕЙНАЯ ЛЮБОВЬ.

Смотрите, какъ въ семьѣ родной,
Почтенный старецъ сельской,
Сидитъ съ веселою душой
Подъ кровлей деревенской.

* * *

Онъ сыновьями окруженъ,
Въ нихъ вся его опрада,
Его домъ счастьемъ надѣленъ,
Все дѣль его награда.

* * *

Былъ ея дубовой ешоль
Подъ скаперную узорной,
Тамъ медь янтарный новыхъ пчель,
Даръ нивы плодородной.

* * *

Корзинки ягоды лѣсной,
Сборъ внучки ненаглядной,
Въ спаканъ изъ склянцы рѣзной
Спруишея сокъ опрадной.

* * *

Въ бесѣдѣ мирный разговоръ
Лешаешь въ часъ досужный,
Вездѣ для старца съ лаской взоръ,
Опъ всѣхъ привѣшь радушный.

* * *

И внучаты цвѣтущъ какъ цвѣтъ,
Красуясь щепыльмъ лѣшомъ;
Счастлииво селянинъ живешъ
Подъ хвороснымъ намешомъ.

* * *

Благодарить Опца-Царя!
И съ чешною душою
Къ Царю усердіемъ горя —
Радъ жершвовашъ собою.

* * *

А Царь насъ любитъ какъ дѣшей!
Ощецъ благословенный,
Онъ самъ для насъ, въ семьѣ Своей,
Примѣръ любви семейной.

КИРПИЧЪ ВЪ 16 ФУНТОВЪ.

Пошеке въ трехъ вершахъ Ижоры,
Есть мѣсто *быстрый городокъ!*
Гдѣ веселятъ прохожихъ взоры
Лужайки чистыя, абеогъ;
Гдѣ самородныя рѣбны.
Цѣвшушь, краенѣюшь по буграмъ;
Слонъ разнообразной глины
По гладкимъ ровнымъ рупасамъ
Въ екалахъ узорчашо песпрѣюшь;
Вокругъ уступы зеленѣюшь
По берегу Невы рѣпки! —
Здѣсь крѣпостью опважной, львиной,
Князь Александръ съ своей дружиной

Громилъ Варяжскіе полки!
Была здѣсь пристань мореходцамъ,
Свиданье первое друзей,
И грузъ, богатство съ кораблей
Передавался Новгородцамъ.
Веселье пилъ корысти сынъ!
Здѣсь нѣкогда за лосью дикой
Лезалъ на лыжахъ грубый Финнъ!
Здѣсь Царь премудрый, Петръ Великій,
Кичливыхъ Шведовъ поражалъ!
Лишь рушилась враговъ громада,
Для славнаго Пешрова града
Заводъ Онь первый основалъ;
Ошеюда снѣжны крѣпостныя
Вѣкамъ надѣло возводилъ,
И храмы созидать свящныя!
И мнѣ Господь благословилъ
Какъ муравью здѣсь приютившися.
На мѣшѣ мудраго прудившися,
Душою радовашся шунѣ!
Здѣсь посреди щебенныхъ грудъ,
Лежалъ подъ облачнымъ навѣсомъ,

Кирпичь, въ шестнадцать фуншовъ вѣсомъ,
Его не рушила пора,
Я взялъ — и вспомянулъ Петра!

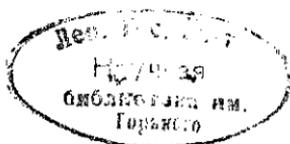
ВѢСТЬ СКОРБИ

24 ОКТЯБРЯ 1828 ГОДА.

И лѣта краснаго не стало!
Песеня вьюги бурный свистъ,
Вездѣ поблекло и завяло,
Лешинъ съ деревъ на землю лешъ;
Ручьи и рѣки помутились,
Надъ рощей вороны кружились,
Унылый разносился крикъ!
Тогда изъ города шарикъ —
Шель въ домъ съ поникшей головою;
Приходилъ поздною порою,
Въ калишку брякаелъ кольцомъ.
Семья съ прескучимъ огонькомъ
Встрѣчаютъ съ радостью роднова,
Привѣшный сыплюшъ разговоръ.

Но дѣдъ идешь популя взоръ,
Не отвѣчалъ роднымъ ни слова;
Лишь въ шемный свой приюсть взошелъ,
Уналъ онъ на дубовой еполь, —
Вскричалъ : — печаль, печаль въ Россіи!
Не спало радости у насъ
Царицы машушки Марии!
Всѣхъ поразилъ печальныйъ гласъ,
Заплакали и заснонали,
И въ голосъ слезно пригнували:
«Къ намъ Машъ Царица не придетъ;
Безъ Ней собирашь намъ колосъ зрѣлый!
Свой взоръ опрадный и веселый
На насъ Она не возведешь;
Гуляя въ лѣтній день полями,
Уже на вѣкъ не будешь съ нами
Златное время раздѣлять!
Сама серпомъ пшеницу жашъ.
Къ увѣчнымъ, бѣднымъ, хилымъ, спарымъ,
И къ безпріюшнымъ дѣтямъ малымъ
Замолкли ласки!» — Вѣшь стрѣлой
Изъ дому въ домъ перелетаешь,

Печаль у всѣхъ сердца пронзаешъ,
Споишь, крикъ у чадъ и махерей!
Пронесся голосъ межъ людей: —
« Не плачьте дѣши дорогіе,
Васъ не оставишь самъ Творецъ!
Вамъ въ помощь Ангелы свящые,
И Николай вашъ Царь — Ошець. »

ПРОГУЛКА

ВЪ ПАВЛОВСКОМЪ.

Въ весе ній день, прохладный, Майскій —
Блещишь лучь солнца золошой,
Садъ Павловскій веселый, райскій
Оспрадной дышетъ красошой!
Тамъ всеъ любимое гулянье,
Въ часы веселые Царей:
Въ досуги праздное собранье
Вельможъ, пріятелей, друзей.
Нашъ проводникъ, смолришель сада,
Довель до шумнаго каскада,
Гдѣ чистая вода кипишь,
О камни дикіе дробишь,
Луною свѣтлой серебришь,
Отъ солнечныхъ лучей горишь

Въ день разноцвѣтными огнями.
Идемъ мы даль межъ кущами,
Увидѣли здѣсь славы храмъ,
Гдѣ зрѣлась намъ Екатерина!
Въ красѣ песщрѣшя долина,
Ряды дубовъ и елей шамъ
Приюти убогій осѣняющъ;
Тамъ шарца жизнь припоминающъ,
Посшель изъ елевыхъ корней,
Кувшинъ простой и посохъ черной;
Цвѣшешъ учасшокъ огородной
Подъ тѣнью лиловыхъ вѣшвей!
Пошли мы по дорожкѣ чистой,
И видимъ въ рожищѣ тѣнистой:
Соломенный чернѣшъ кровь!
Домъ съ виду дремлешъ шариною,
Царица въ немъ во время зною
Ошъ доморощенныхъ коровъ
Творогъ и молоко вкушала,
И въ жаркой полдень опдыхала.
Въ близи здѣсь памятникъ ошца
И машери, двухъ сестръ Марии,

Искусство смѣлаго рѣзца,
Освавленъ въ память для Россіи —
Видъ незабвеннаго Царя!
Любовью чистою горя —
Марія часто приходила,
Слезами мраморъ оросила!
И мы горячею слезой
Священный памятникъ почтили,
И по дорожкѣ въ даль цвѣтной
Зеленой рощей проходили,
Гдѣ вешерокъ, качая кленъ,
Играетъ зубчатыми листьями,
Среди цвѣтновъ навѣионъ
Какъ будто выросъ передъ нами!
Однѣ лишь розы дышущъ въ немъ,
Всѣ стѣны зала украшаютъ,
И поѣвшисели въ Альбомъ
Сердечны чувства изливаютъ.
А шупъ широкій прудъ съ водой,
Гдѣ рыбы разныя сплывами
Сверкаютъ свѣтлой чешуей;
Марія поздними часами

Къ себѣ сзывала ихъ на звукъ,
Бросала хлѣбъ изъ щедрыхъ рукъ,
Безгласныхъ жишелей кормила.
Все далѣ, далѣ насъ манило;
Уже предъ Царскимъ мы дворомъ,
Гдѣ всякой чинъ благоговѣшъ;
Онъ дивомъ обнесенъ кругомъ!
Предъ нимъ плоды распушъ и зрѣющъ,
Вокругъ его цвѣшны цвѣшущъ,
Въ черноти ароматы льющъ.
Въ налесахъ божества земнова,
Среди убранства дорогова,
Языкъ пѣмѣшъ мой еказашъ:
Я видѣлъ шамъ — Царицу Машъ!
Но ахъ! я видѣлъ не живую,
Одинъ Ея беземершный видъ!
И веночья жизнь Ея свящую —
Огнемъ душа моя горшъ! —

Уже и на дворѣ поздаешъ,
Сводъ неба меркнешъ голубой,
И шумная свирѣль играешъ

Въ саду вечернею порой;
Журчишь вода, кашаясь съ граница.
Тогда изъ темнаго ракиша
Вечерній свещешъ соловей!
Онъ сладкой пѣснію своей
Льешь сердцу грустному ошраду!
Придушь друзья гуляшь по саду,
Разговорясь межъ собой;
Напоминашь съ екорбиною душой
Царицы всѣ дѣла благія, —
И скажущь : здѣсь жила — Марія!

НА ДЕНЬ 30 АВГУСТА,

1832 Г О Д А.

Какъ будто классы всколебались
Шумя на нивѣ золотой!
Народъ съѣшннть толпа толпой;
Къ тебѣ, Царь Батюшка, собрались
Въ сей день на пирь веселый Твой!
На память Невскаго Героя.
Онъ подвизался въ сей странѣ,
Съ мечемъ, въ сіяющей бронѣ,
И крестнымъ знаменіемъ кроя
Свое вѣнчанное чело,
Разящей молніей носился,
Враговъ загналъ Невы въ жерло, —
И Невскимъ въ мирѣ огласился.
Его въ ограду онъ враговъ,

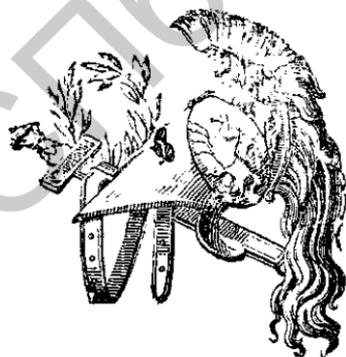
Призвалъ къ намъ снова Петръ Великій,
И громомъ съ Невскихъ береговъ
Побѣды возвѣстались клики.

Въ сей день Ошець намъ пироваль
Царь Александръ Благословенный
Какъ солнце радосень проливалъ
Сей Ангелъ крошестви явленный;
Онъ былъ онечесиву снѣной,
Онъ былъ Европѣ оборона,
Онъ дароваль врагамъ покой,
И свергъ звѣзду Наполеона!
Уже Онъ къ вѣчностви ошелъ,
Но слава Александра дѣтъ —
Какъ солнце въ небесахъ сіяень,
И мѣръ Его благословляенъ.

Брань Александра, Николай!
Орель Россійскій — быспроокій,
На лаврахъ мира ондыхай!
Пошрясь Ты Араратъ высокій,
Льва побѣдилъ; на южный край
Махнулъ крыломъ, — луна зашмилась!
Твой громъ измѣну низложилъ,

Твой взоръ мяшежныхъ укротилъ,
Толпа крамольниковъ смирилась.
Спрахъ незнакомъ душъ Твоей,
Господь, Царь силь, вездѣ съ Тобою!
Твой зоркій глазъ не зналъ почей,
Не знала грудь Твоя покою;
Но болѣе Ты удивилъ, —
Когда врагамъ благословилъ.
Твой день сей, Царь нашъ Православный!
Твой это день, — Россіи щить!
И о Тебѣ, Герой державный,
Гранишь сей дивный возвещишь.
Его Твоя рука спашовишь
Въ честьъ Брану, въ памятникъ вѣкамъ.
И слава вьшеня къ облакамъ!
Ее ни вихрь, ни громъ не сломишь.
Эфесъ, Египетъ и Родосъ,
И Римъ замолкнушь съ чудесами,
Содвигнешъ горы съ мѣсна Россѣ —
И вознесетъ подъ небесами.
А Ты, надежда дальнихъ лѣтъ,
Князь Александръ! Наслѣдникъ Царской!

Во слѣдъ Ошца спремѣ полетѣ,
Взирай на предковъ въ славѣ райской!
Ихъ добродѣтелямъ ревнуй,
И къ успѣшенью Николая
Сей день опрадный шоржесшвуй,
Зарей величія сіяя,
Свое отечество любя,
Россіи будь опорой швердой,
И благодушный, милосердый,
Какъ Александръ — прославъ Себя.

КЪ ПОРТРЕТУ
ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА
АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВИЧА
Ш И Ш К О В А.

Лешаль по сншмь Онъ морямъ,
Бурь не спрашился Аквилона,
Онъ чешыремъ служилъ Царямъ,
Какъ левъ — рвалъ стьш Наполеона!
Ошечешву Онъ былъ щшномъ,
Въ Вельможахъ былъ благошворшшель,
Вишнй мудрый, — правды громъ,
И слова Рускаго блюшшшель.

РУСКОЙ ПОСЕЛЯНИЦЪ.

О какъ ны счастливо живешь,
Поселяницъ трудолюбивый!
Ты съ пѣньемъ соловья вешаешь,
И радуешь слѣпшихъ на нивы;
Тамъ до заката, въ ясный день,
Подъ голубыми небесами,
Ты веселишься за трудами!
Пшеницу ярую, ячмень,
Ты въ землю рыхлую бросаешь,
Рабочамъ время швердо знаешь,
И для засеянныхъ полей —
Росы, и ясныхъ, шихихъ дней,
Отъ Бога съ чешой взрой просишь;
Насчаешь ли нечастье, злой,
Вредишь плодамъ, трудъ губишь швой,

Ты щепѣливо переносишь.
Въ дому довольство, тишина,
Вездѣ умѣренность, порядокъ,
Твоя послушная жена
Съ тобою въ полѣ и у грядокъ
Трудишься не жалѣя силъ;
Плодъ ошъ пруда для сердца милъ!
Она и шкани изгошвляетъ,
Изъ мягкой шерени, изъ льна,
Съ веселымъ пѣньемъ у окна,
Твою заботу улаждаетъ!
Во всемъ себѣ подмога сама,
На иръ идешь, пль въ Божій храмъ,
Украся шляпу ши цвѣшамъ,
И въ новомъ сѣромъ армякѣ,
Въ красномъ пестромъ кушакѣ,
Любуясь веѣмъ, идешь съ друзьями,
Среди родныхъ своихъ полей,
Довольный учаешь своей.
Успреси на красѣ природы
Уютный, мирный швой приошь,
Съ горъ изъ ключей живыя воды

Віясъ передъ шобой шекушь ;
Струя поишъ шебя въ ошраду.
Гулянье у шебя по саду
И баръ нерѣдко веселишь :
Здѣсь кусть смородиной покрывъ ,
И вишни крупныя красивюшь ,
Тамъ яблоки предъ солнцемъ рдвюшь ,
Малины алой сплюшь кушты ;
Вокругъ проешой прощники, чисшой,
Заря, калуферъ и цвѣшты
Разносяшь запахъ свой душистой !
Когдажь сберешъ плоды съ полей,
Ошь чисшой ты души своей
Гоповъ со веѣми подѣлишься ;
Купецъ шобойю богатишься,
Живешъ въ довольствѣ господишь,
Роскошешвуешъ нѣги сынъ,
Въ прохладѣ радости вкушая ;
И шихо, мирно за шобой,
Какъ бы за каменной горой,
Шокоишься земля родная !
Боишься врагъ швоей руки,

Ты крошокъ ходишь за сохою,
Но шолько вторгнись врагъ съ войною,
Тогда, какъ левъ, разишь полки!
Въ шебъ ошечеству защиша.
Какъ шы забошливъ! какъ умень!
Природой щедро надѣлень,
Съ пороговъ быстрыхъ камень, плиша,
Тобой взяшы водамъ въ упоръ;
Столбы, громады изъ гранита,
Валишь какъ дубы съ вѣчныхъ горъ,
Вѣкамъ надиво ихъ становишь;
Ты Царскіе чертоги строишь
И создаешь Божій храмъ;
Шпили возносишь къ облакамъ,
Куда съ шрудомъ зриаешь око!
Въ горахъ шы роешься глубоко,
Тамъ злато, мѣдь и серебро,
Цвѣшныя камни добываешь;
И вѣчное земли добро
Въ безсмершнй видъ преображаешь!
Ты плавильшь, шочишь и куешь
Спаль крѣпкую рукою смѣлой,

Мудрецъ! въ избушкѣ закопѣлой,
Уединясь въ глуши живешь!
Трудолюбивою рукою
Полезенъ всѣмъ ты, какъ пчела,
Ты сердцемъ правъ, и чнешь душою;
Тебѣ хвала — швыи дѣла.
Но пусти тебя пересмѣхаешь
Душой напыщенный гордецъ!
Цускай богатый презираешь,
Обидишь наглою глупецъ;
Не прерывай веселья и весень,
Обдѣлывай свои поля!
И злымъ и добрымъ будь полезенъ,
Какъ плодоносная земля.

ОТВѢТЪ АЛИШАНОВУ.

Спасибо, добрый мой собратъ,
Егоръ Ивашичъ Алишановъ!
Что ны безъ лести и обмановъ
Воспеть смихи мнѣ, чемъ богачъ.
Но лишь высоко похваляю
Вознесъ меня, чего не стою;
Съ рожденья высоты боюсь,
Твоею дружбой веселюсь.

Твое жь въ опчизнѣ пребыванье,
Краю прозрачныхъ хрусталей,
Въ печахъ, какъ Эшны клокошанье,
И прескъ вулкановыхъ огней,
Искусво рукъ шрудолобивыхъ,
И грань въ стеклѣ фигуръ красивыхъ,
Дѣвицъ гулянье на лугу,

Ихъ дорогіе ожерельи,
Все вашей стороны веселье,
Я описатьъ, брашъ, не могу.
Но лишь сравню я съ хрустальями
Богатство, роскошь, славу, честь,
Когда вино въ граненомъ ешь,
Снолы окружены друзьями;
Разбился, опустѣлъ рѣзной!
Тогда и кровной — смаль чужой.

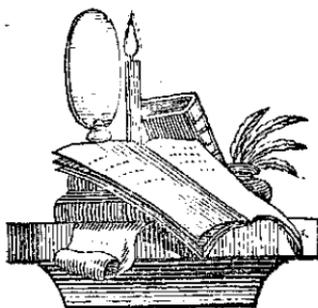
ОТВѢТЪ М. Д. СУХАНОВУ.

Ты мнѣ собрашь все сыплешь пѣни,
За медленность мою, за лѣни!
Къ ошвѣщанью правда я не скоръ,
Виною — недосуги, лѣны,
Вѣдь поздно я попалъ въ поэмы!
За то шерцлю такой укоръ.
Не до стиховъ брашь, не до прозы,
Нечаль, забота, горьки слезы
И жалосный, сердечный спонъ,
Насъ окружалъ со всѣхъ сторонъ! —
Холера бурная лешала,
Друзей любезныхъ похищала!
Взмущилась черные умы,
Не легче пагубной чумы,
Бѣдами, смертію грозило,
На сердце ужасъ наводило!

Теперь здѣсь тишина, покой.
А ты, собратъ любезный мой,
Къ чему на жребій свой пѣняешь?
Какъ горной жишель, ты смѣняешь
Свой легкій таборъ кочевой,
И слѣдуешь за караваномъ;
Живешь шарнинымъ пряникомъ,
Съ ошдушимъ на боку карманомъ,
Съ лоснинымъ полнымъ кошелькомъ;
Тебя оиъ пѣжешь и покоишь,
Дружишь со всѣми и знакомишь,
Чего жъ еще недоспаешь?
Тебѣ мой искренній совѣтъ:
Не доверяй мечтамъ лешащимъ,
Въ даль будущую не смонрѣвай,
А будь довольнѣй настоящимъ;
Молишься Богу, — пѣсни пѣшь.
А если на сердце шоекливо,
Пусть трудъ ушыне ошведешь,
Переноси все шерпѣливо,
Терпѣнье — драгоцѣнный плодъ.

АКРОСТИХЪ.

Совѣшь поэшу молодому :
Умомъ далеко не лешашь ,
Ходишь пошше , и вкругъ дому ,
А даль другимъ предославляшь ;
На барсовъ худо оцолчашься
Овечкъ смирненькой одной ,
Въриѣ пажити держашься ;
Убережешь шѣмъ — вѣкъ ны свой .

ЦВѢТОКЪ.

Б А С Н Я.

Богъ вѣсть, по случаю какому,
Цвѣтку простому — полевому,
Случилось бышь среди розовыхъ кустовъ,
И онъ румяныхъ шамъ цвѣшовъ
Онъ ароматомъ навивался!
И что жъ? счастливецъ молодой,
Своею красной
Завеличался!
А что онъ былъ, про то забыть;
О всемъ судилъ онъ и рядилъ.
Пчела надъ розами лешала,
И горделивцу прожуужала:
Мечта напрасная, дружокъ!
Весной и лѣтомъ я лешаю,

И въ садъ и на цвѣшной лужокъ,
Душистый сокъ шамъ собираю;
Случалось и съ себя брала,
Но мало, мало я нашла
Пріятнаго для обонянья;
И эшопъ ароматъ — не швой!
Къ чему жь гордишься шы собой?
Будь скромень, — до свиданья.

* * *

Въ сей баснѣ самохвалъ цвѣшокъ —
Написанъ хвасуну въ урокъ.

О Р Ъ Х И.

Б А С Н Я.

Одинъ забавной пересмѣшникъ,
Зашелъ съ кнесою погулянь
Въ густой орѣшникъ;
Тамъ позабавишься, — запасъ себѣ набравъ.
Окинулъ быстрыми глазами,
И видишь онь — орѣхи подъ ногами,
Онь гибельныхъ вѣтровъ
Насынаше съ деревь!
Раздумалъ онь: — зачемъ въ даль забиваешь?
И здѣсь мнѣ не обращай;
Все спѣлье! — одни другихъ зрѣтьи!
Но чтобъ не сдѣлалась помѣха,
Давай собираешь скорѣй;
Пошла пошѣха

У молодца въ лѣсу!

Все сплошь — онъ огребаль въ кису!

Съ краями вровень! ушѣшался;

Вѣдь чпо за кладь

Мнѣ одному доешался!

Принесъ домой, самъ похвалялся,

Такъ говорилъ : — «Любезный свашь!

Вѣдь эшо все орѣхи!

Одинъ я, для пошѣхи,

Божусь шебѣ — набилъ мѣшокъ!

Возьми ка мой дружокъ,

Да позабавься милой!

Вѣдь праздная пора.

Свашь перемяль зубною силой

Съ ченвершку! — не нашель ядра!

Къ несчастью были со свищами.

Иной хонь на подрядѣ смѣшся надъ

людями,

У самага жѣ корышь!

Изволька — со свищами грызшь.

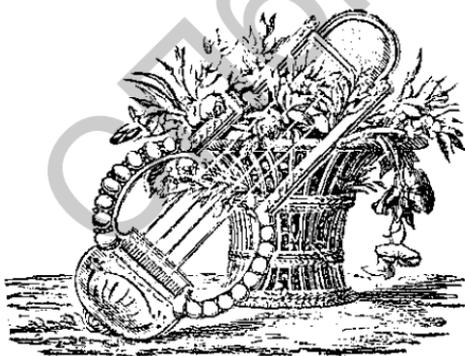
ЧЕРЕМУШКА.

Тебѣ, черемухѣ опрадной,
Несется гласъ мой благодарной
Огнь некрепней души моеи!
Ты шѣню гуеныхъ въшвей
Меня огнь зноя укрываешь,
Въ часѣ по шрудяхъ, въ златой досугъ,
И думы чистыя сзываешь;
Когда гошей веселый кругъ
Зайдегь вечерними часами,
Ты ихъ покоишь, веселишь,
И блоснѣжными цвѣтами,
На радость, каждаго даришь.
Начнешь ли къ Западу склоняшься
Блещащее свѣшило дня,
Съ семьей иду я прогуляться —

Къ тебѣ, черемушка моя!
И вокругъ тебя мы все гуляемъ,
И чай душистый распиваемъ;
Тутъ въперкомъ насъ опохнешь
Сквозь шумные свои листочки,
Надъ нами зябликъ пропоетъ,
Воркующъ дружно голубочки;
То пчелки тихо прожужжатъ —
Съ цвѣтшвъ дары свои снимая;
То бабочки, перелетая,
Любуется на твои парящъ;
Тамъ хороводъ дѣвицъ веселый
Поетъ на бархатномъ лужкѣ;
Подъ парусами на рѣкѣ
Спой молодцовъ летаетъ смѣлый
По бурнымъ пеннымъ валамъ,
Лишь шумъ несетъ по струямъ.
Мы подъ твоимъ зеленымъ сводомъ
Сидимъ прохладнымъ вечеркомъ,
На все глядимъ пріятнымъ взоромъ,
И пѣсни радости поемъ!
Какой счастливою рукою

Ты здѣсь посажена была?
Одна, межъ шелковой шравою
Ты одинокою росла!
Тебя знобилъ морозъ прескучій,
Палить и солнца люпный зной,
И вихрь и громъ изъ черной тучи
Ревели съ градомъ надъ шобой,
И бурю къ земль клонило,
Но Богъ швой корень укрѣпиль,
Тебя невидимо храниль;
Тебя ничто не повредило!
Съ шобою сходень мой удѣль;
Полѣтка видѣть я ненашье,
Шумѣла буря, громъ гремѣть,
Слѣдцо смущное несчастье:
Всевѣдецъ благосныю Своей
Разсѣялъ черныхъ тучъ спремленье,
И мнѣ блеснуло счастье дней!
Со мной дружишься ушьшенье —
Въ послѣдней шреши мирныхъ лѣшъ.
Ты укрѣпился, какъ дубъ высокой!
Бышь можешь, время доведешь

Меня до старости глубокой,
И красной машушкой весной,
Какъ разцвѣтушь лужайки снова,
Задышетъ радостью дуброва,
Тогда любимый внучекъ мой
Сведешь меня къ тебѣ на радость ;
Побереги мою ны старость,
И опашни своимъ цвѣткомъ ,
Когда засну я вникимъ сномъ.

Х М Ъ Л Ъ.

Высокородный хмель перенесый,
Зеленый самоцвѣтъ душевный!
Ты по лѣсамъ и по садамъ,
Вокругъ швырнись, деревьевъ вьешься,
И для прохлады господамъ —
Узорнымъ перемкомъ плещешься,
И отражаешь солнца зной,
Листья вѣтеръ шепчешься съ шобою;
Какъ Руской жинель коренной —
Завѣшной дышешь старинною.
Хмель любишь правду говоришь,
Знакомство, дружбу заводншь,
И на пирахъ повеселишься;
Опасно шолько съ нимъ дружишься,
Сбиваешь съ ногъ богатырей!
Хваспливъ хмѣлекъ и своеволенъ!

Упрямъ, небреженъ и задоренъ,
Подъ часъ бываешь волка злѣй;
Твой другъ спохвашился, да поздно;
Его бѣдамъ ты предаешь,
Хоть ты смѣешься и поешь,
Да съ разумомъ живешь ты розно,
Измѣнишь буинной головѣ.
Гулявъ по Пинеру, Москвѣ,
Попужаешь молодець удалой
По денежкѣ своей бывалой
И по здоровью своему. —
Но время вымолвишь ему:
На все, дружокъ, своя ешь мѣра,
Гдѣ мѣры нѣтъ, — то горе шамъ,
Осилишь хмѣль — хоть гренадера,
Спыдь наведешь его усамъ.

Создашь, всѣ поля растѣнья,
На пользу щедро намъ даришь,
Но человекъ безъ разсужденья —
Себѣ излишесшвомъ вредишь.

Я Р М О Н К А .

Пашало утро золотое,
Зарница въ небѣ чунь блеснишь,
Свѣтаешъ небо голубое,
И ранній соловей свпешнишь;
Надъ нивой жаворонки вьюшея,
Скворцовъ пашвы раздаюшея
По нхимъ рощамъ, по садамъ.
Спрун межъ камнями играюшь,
Подъ ивами, на ручейкѣ,
Своимъ журчаньемъ привлекаюшь!
Тамъ опдаешъ въ далекѣ
Звонъ тихой старого погоспа,
Тутъ почна рѣзвая лепнишь
Съ крушаго берега, вдоль моста,
Лишь по дорогѣ пыль клубишь!

Вошь попянулись рядами
Обозы съ сельскими шрудами,
На хлѣбной ярмонки базаръ;
Въ обгопъ въ коляскахъ и рыдванахъ
Мчашъ кони спашные бояръ!
Кунцы, посадскіе въ кафшанахъ,
Въ цвѣшныхъ халашахъ дорогихъ,
Несушя вихремъ на лихихъ,
Какъ бы на пиръ веселой къ другу;
Со вѣхъ споропъ шолпы госпей,
По берегу, водой и лугу —
Шумяшъ, какъ снадо лебедей!

И вошь вѣ съѣхались, собрались;
Товары въ лавкахъ разобрались,
Тамъ бѣлоснѣжный коленкоръ,
Тамъ легкой разноцвѣшный флеръ:
Тамъ лосняшя апласомъ ленны.
Сверкающъ гасомъ позуменны,
Парчи узорчалые, шшофъ,
Плашки съ широкими каймами,
И ситцы модныхъ вѣхъ цвѣшовъ,
Лежашъ ошкрышыми кусками

Вподрядъ узорно на виду,
Какъ будто бы цвѣтны въ саду
Госшей красою удивляють.
Тамъ грани хрусталей сверкають,
Злащисный росписной фарфоръ,
Прохожихъ привлекають взоръ.
Тамъ машутъ запахомъ помада,
А шумъ для сельскаго наряда
Кумачъ, киншайки и плашки,
Для вѣдоковъ шлепъ, дуги;
Для малыхъ дѣточекъ пошѣхи,
Въ палаткахъ пряники, орѣхи,
Для вѣдоковъ возъ колачей,
По вѣчкамъ разные шовары;
Шумящъ со сбинцемъ самовары,
Проворный сбиненьщикъ, госшей
Шушлицвой лаской закликаешъ,
А подъ горой, какъ вихрь леташъ,
Цыганъ на жеребцѣ гнѣдомъ,
Крушишь коня предъ шабуномъ!
То тихой рысью, ровнымъ скокомъ,
И замѣчая зоркимъ окомъ

Охошника онъ ловишь взглядъ.
Къ нему подъѣхалъ, — « здравствуй свашъ!
Давай родной скорѣе руку, —
Купи удалаго гнѣдка!
Иль промѣняй на воронка,
А за меня шебѣ порука
Весь шаборъ коренныхъ Цыганъ,
Грѣха боюся навесить обманъ!
Гнѣдко мой хопъ куда годишея,
Въ шивжелый возъ, и прокашишея,
Какъ снашенъ и красивъ собой!
Весна шешая, какъ родишея,
Недавно колъ во рину пробилея,
И шерень полюбилъ домовой.
Не дай Богъ видѣшь мигъ кибички,
Когда я лгу, — тошовъ же линки.»

Высокой на лугу шамеръ,
Какъ башня гордая бѣлѣшеъ;
На немъ орель; внизу какъ боръ
По крыльямъ елка зеленѣшеъ!
Веселье шамъ у поселянъ;
За пѣннымъ, по шравѣ кругами,

Сидяшь рядкомъ друзья съ друзьями,
Съ продажей полевыхъ сѣмянъ
Любя другъ друга поздравляюшь,
Почокиваясь дружно пьюшь!
Въ прохладѣ пѣсеньки поюшь,
И въ звонкіе рожки играюшь; —
Вокругу ошвага молодца —
Въ присядку плясешь голубца.
По армонкѣ, какъ рой шумливой
Гуляешь весело народъ;
Тунь рядъ идешь вельможъ, господъ,
Забавень разговоръ шупливой,
И смѣхъ леташь съ ихъ полною.

А въ стѣдъ посадекіе гурьбой,
Кунцовъ подруги молодья,
На нихъ намешки золошья,
Кокосникъ жемчугомъ увишь,
Яснѣюшь по челу подзоры,
На шпофныхъ ферезяхъ уборы,
Широкой гась, какъ жаръ горюшь!
Селяне мирные съ женами,
Счастливо сбыли даръ гумна,

Душа ихъ радости полна,
Идушь, уговорясь съ друзьями,
Въ ряды къ знакомому купцу,
Купишь женѣ кумачь, ошцу —
Кушакъ, кишаеникъ родимой;
А бисеру сестрѣ любимой,
Но леншѣ въ косы дочерямъ,
Малюшкѣ поясокъ шелковой,
Радивой бабушкѣ камки,
На подзашыльникъ лоскутъ новой.
Купили, — бережно въ мѣшки
Свои обновы уложили,
И нагулявшись, покашлили
Селяне мирные къ домамъ.

Вошъ шумъ на ярмонкѣ спихаешь,
И рѣже спало по рядамъ;
Уже на небѣ вечеряешь,
Едва мерцаешь солнца свѣтъ,
Ночь темная за нимъ идешь;
Умолкло все и пусто спало,
И ярмонки какъ не бывало!
Свѣтъ насъ забавами манишь,

И суеша нашъ умъ кружишь,
Песпрѣшъ мѣръ передъ глазами,
Все жизнию кипишь предъ нами,
Но эша ярмонка минешъ,
Всему просторъ! — и слѣда нѣшь.

ШАМПАНСКОЕ.

Ошь плодородныхъ горъ Шампаньи,
Клико! по бурнымъ плыть волнамъ;
Для дружескихъ шировъ, компаний,
На Русь пожаловаль пы къ намъ!
Ты, какъ буянь неугомонной,
Жельзомъ евязанъ, засмоленъ;
Ты скромень въ шемношѣ холодной,
И шихъ, и молчаливъ, умешь,
Когда покоишея въ подвалѣ;
Когда жь бываешь пы на балѣ,
Между друзьями на еполѣ, —
Кипишь въ прозрачномъ хрусталѣ,
Фоншаномъ пѣнишься, играешь,
Въ сердца веселье разливаешь!
Хорошъ Клико! — но лишъ на счешъ —

Большіе спавишь ны ипоги,
А кто тебя охотно пьешъ,
Тому пѣняють часно ноги,
И жалуешя голова!
Давно разносишя молва,
Какъ въ шарину ошцы живали,
Наливки, пиво, сладкой медъ,
Кунцовъ, посадекихъ и господъ
Надиво всѣхъ увеселяли!
Ходили весело, бодро,
Лишь гостъ поприхивать кудрами;
А золото и серебро —
Счишали не рублемъ, — мѣшиками!

Я З Ы К Ъ.

Языкъ съ приправой на столъ,
У баръ бываетъ на обѣдъ,
Языкъ за вкусъ свой въ похвалѣ
Въ пріятной дружеской бесѣдѣ.

* * *

Языкъ любимецъ, — другъ Князей,
За сладкой разговоръ правдивой;
Языкъ веселье у друзей
Въ рассказахъ повѣсти шушливой.

* * *

Языкъ надеждой насъ живишь,
Языкъ и помощь намъ находишь;
Давно пословица швердишь:
Языкъ до Кіева доводишь.

* * *

Языкъ даритъ любовь и миръ,
Враждебный пламень погашаешь;
Языкъ, какъ голосъ звучныхъ лиръ,
Сердца въ печали утѣшаешь.

* * *

Языкъ проникнешь въ свѣта край,
Раскрывъ разсудка даръ чудесный;
Языкъ заслужишь свѣтлый рай
Възданьемъ крошески небесной.

* * *

Языкъ и злую ласку плещешь,
Коварствомъ прошоудушныхъ ловишь;
Друзей, крестовыхъ браньевъ есоришь,
Семь покои не даешь.

* * *

Языкъ вѣснями разсыпашь
Коварно сплешни по домамъ,
И злыя сѣни разспавляешь,
Ревнивымъ шепчешь онъ женамъ.

* * *

Оправу льешь въ полкъ народной,
Языкъ, какъ смертоносный ядъ,
Служа для распри, лести злобной,
Языкъ ввергаешь въ мрачный адъ.

* * *

Змѣей свое онъ жало шочишь,
Но дань ли онъ намъ ко вреду?
Коль умъ добра себѣ не хочешь,
Языкъ введешь его въ бѣду!

Х О Л Е Р А .

Къ крещьянцу на дворъ закралася Холера!
И принаясь въ углу, сидитъ;
Крещьянникъ въ ужасѣ глядитъ:
Не знаешь, что начати? — вскрикнула вѣра!
Перекрестился! — что робѣшь?
Сказать : однажды умереть!
Я съ ней по своему сражуся,
Вѣдь сила крестная со мной!
Съ крестомъ я зла не усшрануся, —
Пойду съ невѣдомою въ бой!
Идесть, — подшелъ : «Что ты за гостья
здѣсь явилась?»
Въ углу безъ спроса принаилась? —
Нѣтъ мѣста здѣсь, долой съ двора!

Не шо, дойдешь до шопера!

Холера съ нимъ заговорила :

«Я домъ швой посѣшила,

Но не надѣлала вѣдь зла.»

К р е с т ь я н и н ь .

Молва вездѣ у насъ прошла, —

Чшо всѣхъ ты губишь, заражаешь!

Х о л е р а .

Анъ нѣтъ, вѣдь ты меня не знаешь ;

Я сираница, — и въ шороняхъ

Свѣшу набранъ дурныхъ, перяхъ,

И шо не всѣхъ, а по разбору,

И ошдохнушь прижалась у забору.

К р е с т ь я н и н ь .

Знашь ты нечистой духъ!

Х о л е р а .

Не говори шакъ громко въ слухъ,

За болшовню вѣдь будешь худо!

К р е с т ь я н и н ь .

Смошри пожалуй, чшо за чудо!

Какая невидаль пришла!

И страхъ, и грозу навела ;
Не съ неба ли, иль шы изъ ада ?

Х о л е р а .

Я кара злымъ, добру пощада,
Бью шѣхъ, копорые безъ мѣры пьютъ,
Бдящъ,

Душой кривящъ,

Въ порокахъ уночающъ,

Посмовъ и праздниковъ не знающъ,

Безчинешвуюющъ въ церквахъ,

Сидящъ при сундукахъ, какъ бы совы
ночныя,

Не любящъ свѣша ! елешни злыя

Заводящъ у друзей въ домахъ :

Вонгъ я шого караю !

И шамъ и сямъ лешаю,

Подъ небомъ въ воздухъ живу ;

Творца вельшье исполняю,

Огнемъ, мечемъ, бичемъ слыву.

К р е с т ь я н и н ь .

Теперь легко ужь догадашься,

Кшо шы . . . Холерой шы слывешъ,

Но здесь поживы не найдешь,

Прости голубушка! —

ХОЛЕРА.

Счастлииво оставался.

БАРИНЪ ВЪ ПОМѢСТЬИ.

Весна цвѣтами пардила,
Поляны, нивы и луга,
И холмики и берега
Муравкой свѣжей опушла.
Въ одеждѣ майской красоты
Природа вся весельемъ дышетъ.
И въширокъ чужь чужь колышетъ
Въ лугахъ душистые цвѣты.
По рощамъ на зарѣ румяной
Свисшались дрозды и соловьи,
По камешкамъ журчань ручьи,
Съ горы ключъ каменный опрадной;
Ивякъ раскинулъ надъ водой
Свои зеленые побѣги,
Въ часы весенней, сельской нѣги. —

Пріѣхалъ баринъ молодой —
Въ усадьбу Старое Залѣе,
Въ свое любимое помѣстье,
Въ дубовой праѣдовской домъ.
Гулянье манишь яснымъ днемъ,
Идушь, гдѣ озимъ зеленѣешь,
Книжнъ крещьяне вокругъ работъ,
Тамъ кино бороннъ, пашенъ, сѣенъ;
Овечекъ паспушокъ пасенъ,
Рогатые на всемъ привольѣ —
Гуляющъ, рѣзняшея, шумящъ!
Друзья любящъ говорящъ:
«Какая красота! — раздолье!
Вездѣ цвѣшенъ, шумишь, поенъ.
Мнѣ все большой оброкъ даетъ!»
Помѣщикъ счасшьемъ похвалился,
Ахъ посмотрика, черезъ дугъ —
Въ селенн домъ какъ наклонился!
Полураскрытъ! — промолвилъ другъ.
Идушь поляной, разсуждающъ,
Зашли въ селенье, — спрой дѣшей,
Спарухи, спарики вспрѣчающъ,

Въ домъ просяшь съ ласкою гостей!
И управишель шой порою,
Стояль съ ошкрышой головою,
Прислуживаль боярамъ шушь;
Помѣщикъ смоприншъ на приюшь,
Вокругъ себя бросаетъ взоры,
Худые видишь онъ зашворы,
Осиной подперны енолбы,
Узорной гребешокъ съ шрубы,
И крылья съ дому обвалилнсь,
Намены надъ дворомъ раскрылнсь,
Въ саду разръшенился шннъ!
Спросилъ нахмурясь господинъ:
Давно ли шакъ вы обѣднѣли?
Все кажешъ горькой нищешой!
Потрясь Онуфричь сѣдиной,
«Мы безъ шебя осирошѣли!
Осьмой ужъ прошекаетъ годъ,
Какъ поселился управишель...

Б а р и н ъ.

Вошь что надѣлалъ мой походъ!
Довель до нищены смошришель!

Ему вся вотчина сдана;
Какъ измѣнилось селенье!
Скажи мнѣ правду спарина,
Съ чего шакое раззоренье?
Спарикъ сквозь слезъ заговорилъ:
« Я дѣду вашему служилъ,
Оницу, шебъ душой радѣю,
Богъ виднишь! лгать я не умѣю,
И самъ прикащикъ тушь споншь,
Скажу передъ его глазами,
Пусть понеречнишь, обличнишь,
Мою неправду передъ вами;
Берешъ мукой, холстомъ, зерномъ,
А сколько челяди при немъ! —
Прислужниць, няюшекъ, спарушекъ,
Завель онъ спашныхъ рысаковъ,
Большую исарню, козь, быковъ!
Заморекныхъ пшницъ, гусей, индюшекъ,
Дворецкой, ключникъ, повара,
Таскающъ всячиной съ двора.
Бояринъ здѣсь! защита съ нами,
Бурмисиръ примолвилъ Паншелей.

Б А Р И Н Ъ .

Не бойся , говори смѣлѣй .

С Т А Р И К Ъ .

Что свадьба , — шо спупай съ дарами ,
За нимъ педѣли двѣ ходи ,
Прогнѣвать чель , шакъ худа жди !
Ему песни на имянны —
Рѣдинки шшныя , холещины .
На Спасовъ день и на Покровъ ,
Нашъ кринокъ меду пригошовъ ;
А въ Новой годъ за чешь въ подарокъ
Наръ двадцать дикихъ куронашокъ ,
И каждой годъ ему къ Свяшой
Чтобъ былъ шеленокъ годовой !

А лишь объявляшея наборы ,
Бѣда надъ нашей головой !
Крушишь крещьянъ нечередой ,
Маниашъ всѣхъ денежные сборы ;
Все за безцѣнекъ продавай ,
Хошь рошнящесь , а въ срокъ подай !

Что праздникъ Божій , Воскресенье ,
Со всѣхъ сторонъ , какъ рой гостей !

Пойдешь попѣха, да веселье,
Зашѣюшь шравлю вокругъ полей;
За зайцами собаки мчашся,
Посѣвы наши шопчущь, мнушь,
Плешни и городьбы валяшся,
А пораздорь, — шакъ зшой дадушъ!

Б а р ц и н ъ.

Чшо жъ мнѣ объ этомъ не писали?

С т а р и к ъ.

Да все себя кормилецъ ждали!

Смолять прикащикъ, да блѣднѣть,
Въ онвѣнъ онъ не промолвилъ слова,
И волкомъ изъ шенешъ — смошрѣть
Онъ на Онуфрича сѣдова!
Овешя смала въ горлъ коснѣ.

Тогда нежданой добрый гощѣ,
Замѣнилъ все, — душой смунился!
Проказы, плушши все узналъ,
Съ нахаломъ онъ порасцлашился:
Съ двора дубиною прогналъ.

НАДГРОВІЯ.

1.

П А В Л У И В А Н О В И Ч У
Т Е Р Л И К О В У.

Мужъ добродѣтельный, радужный,
Ты пагъ подь смервною косой!
Родные, кругъ знакомый швой —
Жалѣя плачуть надь шбой.
Взгляни шы, другъ великодушный,
Съ небесныхъ, голубыхъ высопъ:
Ошець, жена и пяшь сиропъ
Крушаюся по шебъ въ печали!
Въ шебъ все счастье пошеряли,
Тебя никакшо не замѣишь;

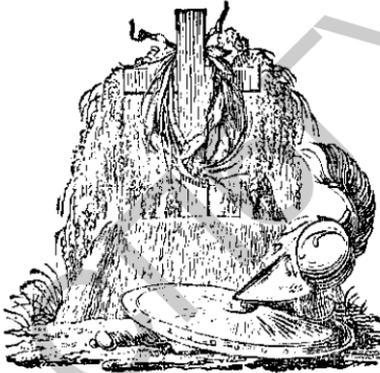
Ты мало жизнью насладился,
И двѣшь померкъ своихъ ланишь!
Ты рано въ вѣчность преселился,
Ещебъ тебѣ полвѣка жишь.
Но оплешевъ опъ насъ душою,
Жену оставилъ ты съ семьею,
Заславилъ вѣчно слезы лишъ.

**ВАСИЛЮ ЛУКЬЯНОВИЧУ
ЛУКЬЯНОВУ.**

Ты въ молодые жизни годы,
Въ поляхъ усердно работалъ ;
Весной и лѣтомъ въ даръ природы
Твой быстрый разумъ проникалъ. —
Безъ грамоты, безъ просвѣщенья,
Науку опытною позналъ,
Сѣмяхъ, цвѣтеньевъ, кореньевъ, травъ
Извѣдалъ шайный даръ цѣленья ;
Умѣлъ дань счастію дѣлать,
Въ трудахъ усалосни не зная ;
А черныхъ дней не забывая,
На помощь бѣднымъ и друзьямъ

Спѣшилъ радушною душою.
На вѣкъ сей мѣръ ославилъ ты,
И въ память правы и цвѣты
Въ вѣнокъ сплелушся надъ гробомъ.

ПАЛАГЕЪ ВАСИЛЬЕВИЪ
ФЕДУРКИНОИ.

Супруга добрая душою,
Ты на зарѣ цвѣтущихъ лѣтъ —
Упала какъ весенній цвѣтъ,
Подъ смершней, острою косою!
Твой другъ и шри твои пшеница —
Осшались слезы лишь ешеная;
Твоя душа достойна рая —
Въ свяшой обихели Творца.

НА СМЕРТЬ

ДАР. СЕМ. КОНОНОВОЙ.

Твой крошкѣй нравъ души покорной,
Умѣлъ домашнимъ угодишь;
Неудовольствія мигъ черной
Ты знала, какъ переносишь.
Ты въ свѣтъ лишь сына подарила,
И оплещѣла въ вѣчность — мать!
Кому жъ ны крошку поручила?
Его кто сманетъ ушѣшашъ
Родимой грудью въ колыбели?
И восмеро, незрѣлыхъ лѣтъ, —
Безвременно оспрошѣли!
Снемѣлъ для нихъ опрадный свѣтъ.
Твой милый другъ въ шокѣ унылой.

Семьей печальной окружень,
Во цвѣтѣхъ лишь слабѣешь силой,
Его крушишь всечасный сонъ.
Не слышишь ты сей сонъ сердечный,
Твоей семьи печальный гласъ,
Молчишь въ шипи покойной, вѣчной,
И не порадуешь ты насъ.

20 Февраля 1834.

Р Ы Б А К Ъ .

Цѣлую зиму корабль надъ сѣнями
Отважный, веселый рыбакъ!
Пряжей ячейки крѣпилъ узелками;
« И щука и бойкой судакъ,
Окунь, плотвица, и ершикъ косянкой
Мосю обманулся сѣвню счастливой! »
Такъ гнѣть за работою рыбакъ молодой;
Красной весны онъ дождался,
Чайки видися надъ быстрой рѣкой,
На ловлю рыбакъ собирался,
Лодку сѣнями навьючилъ верхомъ;
Якорь надежный и спасши съ багромъ,
Торбочку съ нищей, — взялъ образъ съ
собою,
Кожаный запанъ, свой щипъ,
Въ веслы ударилъ просняся съ семьею,

Спрѣлой на работу лещингъ!
Къ шихому берегу приплыль счасливо,
Пришань, шалашикъ, успроиль радиво.
Рыбъ чешуешыхъ гдѣ доброй пришинь, —

Якорь на дно опускаешъ;

Нижешъ мережки на снасти одинь,
За рыбою въ глубь посылаешъ;
Самъ ушомея прилегъ на покой,
Крѣико забылся рыбакъ молодой!

Дружно шоварищи ушромъ лещинь —

Рыбъ на счасливый подъемъ;

Видяшъ, — колышется лодка вокругъ мѣли,

На морѣ, съ легкимъ весломъ;

Вѣшеръ гудинь въ шалашѣ одинокомъ,

Сѣши съ добычею въ морѣ глубокомъ.

Ловець на работу сѣшилъ, подѣвалъ.

Надежда его веселила,

О прибыли, счасши онъ думалъ, гадалъ,

Но смерть самага изловила!

Родные! не льшинешъ далекой мечшой;

Прости другъ сердечный, рыбакъ молодой.

ПАСУХЪ.

Близъ горныхъ мнѣ рѣки Славянки,
Въ верхъ за Рыбацкой слободой,
На муравой, цвѣтнѣй полянкѣ,
Пасъ стадо пасушокъ молодой.
Сторожевой его глазъ зоркой,
Весь день не спалъ и не дремалъ,
Любовь и радости въ рогъ звонкой
Пасухъ игралъ и припѣвалъ;
Звукъ по долигѣ раздавался,
Сердца прохожихъ веселилъ;
То на свирѣли забавлялся,
Красавицъ на лужокъ манилъ,
Гдѣ собирались хороводы.
Пѣвецъ любви, пѣвецъ природы,

Заболы чорныхъ дней не зпалъ ;
На снадо волкъ не напададъ,
Овечки прыгали, пучнѣли !
Такъ дни счасливые лешѣли,
Но вошь, что сналося надъ нимъ :
Когда все снадо ондыхало,
Гусное облако, какъ дымъ,
Кругомъ лужайку покрывало,
И вихрь съ грозой закрушилъ ;
Береговой песокъ поднялся,
На рѣчкѣ воду замушилъ !
Насухъ ошь спраху пришуллелъ
Въ паланникъ свой ! — ударилъ громъ, —
И прущиной насущиій домъ
Покрышій милою, задымилъ ;
Завылъ коная зем. песь ;
Бѣжнть пугливыхъ сная козъ,
Бѣгунъ коровы и овечки,
Мычанъ, блежанъ у шихой рѣчки,
Траву не щиплошь съ бережка,
Какъ будно ищущъ пашущка !
Ягнющочки оспрошѣли ! —

И съ шой поры замолкъ рожокъ,
Не слышно голоса свирѣли, —
Грустятъ пригорки и лужокъ.

ПОСЛОВИЦА.

ТАКОВА ВРЕМЯ ДОЛГО ЖДАЛИ.

Не въ мѣру льшомъ дождь и жарь
Наносишь срамный вредъ расшенью,
Торговцамъ радосень! къ сожаленью —
На зрѣлой лакомой шоварь
Наложашь сами цѣну вдвое!
И плоды хоть грудями лежашь, —
Ишь прищуну, все дорогое!
Вездѣ пословицу швердять,
Что вѣрно многіе слыхали: —
Такова время долго ждали.

Купчиха ли въ гоешной дворъ
Идесть купишь матерій модныхъ,
Ленишь разноцвѣшныхъ на уборъ

Иль кружевъ шонкихъ и узорныхъ,
Круша цѣна! — шяжелый годъ!
Купцы швердяшъ съ учинвой лаской: —
Нѣшь кораблей съ шелками, съ краской,
Съ машерьями, съ вещами модъ,
Товары все подорожали!

А мы шакова время ждали.

Зовешъ гульба по островамъ
Прохладной пѣнью наеладиться;
Захочешъ роскошь прокашиться
На легкой шлюпкѣ по водамъ,
Съ поклонами садиться просишь
Тушь перевозчикъ молодой;
Боярши! въжливю доносишь,
За шрудъ гошовишь золомой.
«Съ чего шакую глупость взяли?»

Такова время долго ждали.

Паслалъ гнѣвъ праведный — Творецъ!
Болѣзнь изъ дома въ домъ лешаешь,
Здѣсь гибнешъ машъ, а шамъ ошець!

Тамъ брaтъ любимый умираешъ,
Къ врачамъ всеѣмъ дверь опворена,
Идушь съ рецепшомъ за спиршами,
За благовонными правами;
Въ пашь крашъ умножилась цѣна!
Безсовѣсно! имъ намѣкали,
Такова время долго ждали.

Бѣда на дворъ, — вездѣ бѣда!
Холера гoшья жиешъ и косешъ,
Гробамъ расходъ, и безъ снѣда
Сшадаръ шройную цѣну просешъ!
Помилуй масперъ, вшомни сшрахъ,
Велели, бѣда вшешъ надъ нами!
Сшадаръ не шротаяеш словами
Въ ошвѣшъ : дѣшъ дорогъ на дворахъ,
Рабочіе дороже сшали, —
Такова время долго ждали!

Пора пословшцу забышъ,
Пора бышъ скромнымъ, — жишъ умнѣ,
Ошъ сердца жадноспш удалишъ,

Довольнымъ бышь — всего вѣрнѣе.
Хоть горы злата соберемъ,
Не прочно со грѣхомъ спяжанье ;
Разсыплеть время алчныхъ зданье,
Корыстей праха не найдемъ,
Развѣешь время, чно спяжали!
И скажешь : — вопль чего всѣ ждали.

ЧЕРНЫЙ ГОДЪ.

Дождь проливной, солнца зной,
Всѣ поля пожгло, снощило!
Позаржавѣть сериь съ косой,
Ондыхаетъ молонило.
Весь засохъ подножный кормъ,
День онъ дня весь скопъ худѣеть,
И заболннй сельской домъ
Къ общей жалосни бѣднѣеть.

* * *

Вопъ лошадокъ продающъ,
То коровъ завѣшныхъ, дойныхъ,
И онъ сягосни дней черныхъ
Башраками въ миръ идушъ,
А купецъ подъ ключъ анбары,
Кладъ ему — сяжелый годъ!

И на хлѣбные повары
Какъ полынь, цѣна расшешъ.

* * *

Очерствѣлъ богачъ душою,
Къ бѣднымъ сдѣлался какъ ледъ!
Смотришь дикою совою,
И своихъ не узнаешь;
А о шомъ одна забоша,
Чшобъ рубли брань за гроши;
Превелнкая охоша —
Жишь на счетъ чужой души!

* * *

Много бѣ видѣшь бѣднымъ горя,
Но Ошецъ нашъ, Николай!
Озарилъ несчастный край. —
Налетѣло изъ за моря —
Много всякаго зерна!
Жишницы намъ ошворились,
И купцы перемѣнились,
И уставилась цѣна.

ТАБАКЪ.

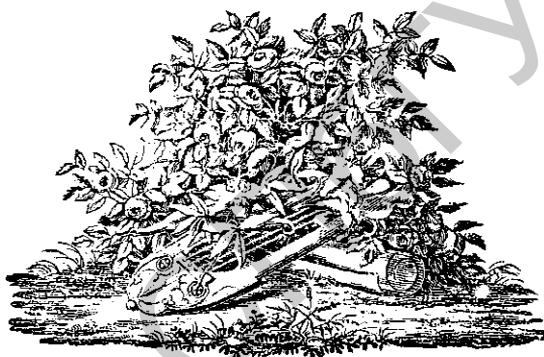
Могучій чудодѣй — аракъ!
Въ сварь на нирахъ себя любили,
И веселясь пѣвцы хвалили. —
Забывъ аракъ! — теперь шабакъ
Въ забывъ себя вездѣ курится,
Дымъ кольцами изъ усьи клубится!
Пусть модной баринъ молодой,
Въ селѣ помѣщикъ пожилой,
Пьютъ ароматъ Американской;
Иль Вахмистръ, удалецъ гусарской,
Свернувшись въ скучные часы,
Куритъ на муравой кровати,
Пускаешь конюшъ сквозь усы;
Имъ все прилично, все имъ кешани.
Но вошь мѣщане, кузнецы,

Съ свиной шорговцы молодцы,
Разнощикъ съ чахлою сумою,
Подъ славнымъ Жуковымъ клеймомъ
Трубящъ, — лишь курево сполбомъ!
Иной охошникъ до цыгарокъ,
Забудешся ошъ недогадокъ;
Съ лишочка искра упадешъ,
Дашъ съ бороды себъ возьмешъ!
Другой захочешъ зашяпнутья,
По чшо бъ совесъмъ не захлебнутья,
Дымъ пропускаешъ черезъ носъ!
Теперь задача и вопросъ,
И право спюшъ сожалѣнья,
Какая польза ошъ куренья?
И сколько въ лѣно кораблей
Травы куршительной сгружающъ?
И сколько шмсецей рублей
Ошъ насъ за море улешающъ?
А сколько вышло, во сно лѣшъ,
Рублей за дымъ? — и счеша вѣшъ!

ПОСАДСКОЙ ЕРМИЛЬ.

Посадской сварина Ермилъ,
Друзьямъ въ бесѣдѣ говорилъ :
Мудреные насмали годы! —
Въ насмѣшку спала борода! —
Пустилась наша брашня въ моды,
Полезли грудью въ господа.
Иной молодчикъ безъ стыда
По Польски голову оправилъ,
Снялъ бороду, усы осшавилъ,
На шопъ же кажешся манерьъ;
На немъ парядъ богашой, модной,
И Шукшинской нашъ кавалеръ,
Сталъ будто Князь великородной;
Купецъ ли онъ, иль дворянинъ,
Французъ ли, Грекъ иль Армянинъ,

Богъ знаешъ кто? — вошь вамъ загадка.
Другой съ опрышной бородой,
Гуллешъ съ милою женой,
На ней въ цѣбшахъ песпрѣшъ шляпка,
Разряжена какъ бы Княжна;
Спроси жъ шихонько, кто она?
Маланья Гурьевна — креспьянка.

РАЗСКАЗЪ СВИТЕНЬЩИКА

Недавно свишеньщикъ съдой,
О шарниѣ разговорился;
На ныбшійи народъ дивился,
Вздыхалъ, качая головой!
Давно ли я ходить съ баклагой?
Мой свишень или госнода!
А наша брашня, — борода,
Бузою забавлялнсь, брагой;
Бывало празднымъ вечеркомъ,
Опьемный пивникъ со спручкомъ,
За здравье пили мы другъ друга!
За шо морозъ шрескучій, вьюга,
Не видно свѣшу, вихри вьюшь!
А молодцы безъ рукавицы,
Грудь на распашку, вдоль Сполицы,

Идутъ, — какъ маковъ цвѣтъ цвѣтушь!
Ходишь въ госпитальныя спыдились,
А нынѣ, какъ все измѣнились!
Веселыхъ заведеній — сплошь.
Изъ нашей браньи молодежь —
Тѣснился въ залы росписныя!
Пзвощикъ, сасчикъ, споляръ,
Обручникъ, плотникъ и маляръ,
Все господа маешеровые —
За чай! — и локни по сполу,
Кричагы : — подайше-ко Щолу!
Чинась по складамъ Ерема,
Сидишь раскинувшись, какъ дома,
И гладишь по усамъ порой,
Любуясь въ зеркаль собой;
А кто пограмошнѣй найдешя,
Посмотрить, въ споръ еще вилашешя,
Тамъ про какой по про Ромагы!
Тушь въ рѣчи съ номеромъ Ивагы,
Въ извозъ прѣѣхавшій изъ Риги :
Романы люди! а не книги;
Толкуешь пожилой бочаръ :

Всѣхъ лучше книга — Пшица Жаръ!
Кшо про Бову, кшо про Полкана,
Кшо про Илью, про Еруслана,
Кшо о Пешрѣ злыхыхъ ключахъ,
Читають, — слезы на глазахъ!
За кипячкомъ промокли съ пошу,
Часы осьмага чешверть бують,
А други все сидяць, да пьють,
Забыли про свою рабону.
Лишь изъ гостиницы домой,
Макрыла молодцовъ прослуда!
И голова тяжеле пуда,
А винованъ все — росицею!
Пришла пора плашишь оброки,
А денегъ нѣтъ, чинай уроки;
Крушишь невзгода машь, жену!
За педомки въ спрой роднова!
Примолвилъ дѣдушка при слова:
Вспомянемъ нашу спарину.

СВЯЩЕННИКЪ И БОЛЬНОЙ.

Больной не видя облегченья,
Ждалъ жизни горькаго конца;
Послыша совѣсти мученье,
Привзвалъ духовнаго отца,
Сквозь слезы, вздохи и рыданье —
Ему приносилъ покаянье: —
Проси отца! онъ говорилъ,
Я чрезъ божбу и чрезъ обманы —
Чужіе осушалъ карманы,
Семей десятокъ раззорилъ!
Дѣла людскіе и пороки —
На перечосъ я грѣшный зналъ;
Не прошверди свои уроки —
Ихъ осуждалъ, пересмѣхалъ,
Гордился много я собою!

Друзьямъ гонимымъ злой судьбою
Я помощи не подавалъ.

Священникъ крошкнмъ поученьемъ

Больнаго душу поцрясалъ,

И язвы сердца изцѣлялъ;

Благословилъ его съ прощеньемъ.

«Открою сердце для добра,

Лишь подыми Всесильный Боже!»

Бользнь свалилась какъ гора!

Онъ приязяся опять за шоже.

Когда заглянешь къ намъ бѣда,

Мы помощи онъ сердца просимъ.

Прошла. — на обѣ руки косимъ!

Безъ совѣсти и безъ стыда.

СЕЛЬСКОЙ ВЕЧЕРЬ.

Уже проходишь зимній день,
И тихій вечеръ наступаетъ;
Вкругъ барскихъ селъ и деревень, —
Какъ темно облако летаетъ —
Крикливыхъ галокъ и воронъ!
И на помѣстьяхъ рѣдкой звонъ
Вечерній часъ напоминаетъ.
Всѣ поселяне нгой порой —
Скопу готовящъ кормъ ночной.
И ключевую посянъ воду,
Изъ чистыхъ ведеръ льютъ въ колоду;
Заря погасла! — облака
Покрыли небо темноюю,
Селяне прилегли къ покою,
Нигдѣ невидно огонька.

Сонъ сладкой по шрудахъ покоишь,
А греза на сердце наводишь —
Печаль, забошы, радость, страхъ,
Лешаешь минушы въ чудесахъ!

Проснулесь дѣвнцы, срядплесь,
Къ собесѣду Карну, шарикку;
Въ бесѣду, какъ на ширь сходиллесь!
По чиншымъ лавкамъ къ огоньку,
Красавицы съ гребнями сѣли,
И верешены загудѣли —
На тонкой пряжѣ у дѣвнцъ!
Подругъ веселое собранье.
Заводяшь рѣчи, шолкованье
О снахъ и дивахъ небылицъ: —
Шушливой Тань сонъ приснился,
Предъ нею голубокъ кружился;
Надежда шеребила лень,
А Каля ягоды сбирала,
Любовь колечко пошеряла!
Михевна пряжу съ верешень —
На мошовило навиваешь,

И сны красавицамъ гадаешь :
Кружишься голубокъ къ вѣшнямъ,
Сборъ ягодъ — бышь печали, скукъ,
А лень шакъ вѣрно прибыль намъ,
Пошеря видишься къ разлукѣ!

Карпъ по заешолью проворчалъ :
Недобрый вамъ науку даль,
Разгадывашь, что въ почъ наснишея;
Съ молитвовой должно спать ложишься!
Такъ греза сирахъ не наведенъ;
Будь крещная надъ нами сила!

Эхъ свашь! — сонъ въ руку намъ кладешь,
Въщунья Карпу возразила;
Послушайте, скажу вамъ быль : —
Случилось это близъ Валдая,
Гдѣ съ горъ ошъ шроекъ вѣшея шль,
Жила вдова шамъ молодая!
Да шрое спрошишь при ней —
Оома, Миронъ и Паншелей
Росли на радосшь, на подмогу!

Ребяна спали по немногу,
При дождь, по лугамъ, полямъ,
Бродишь и привыкашь къ шрудамъ;
Съ родной кнѣзли вкругъ рабошы!
Всѣ добрые! — по Пашелей, —
Быть всѣхъ радывѣй и умнѣй!
Зимой капканы и менены
Онь спавиль для волковъ, лисницъ,
Весной ловить онь рыбу, ишицъ,
Ему околнца дивилась!
А что же? — на Егорьевъ день —
Вдоев мой сошь, чно на ячмень
Паль градъ, да лобгня свалилась,
И перерылъ шрешилку крентъ!
Вонъ пробудилась машь, — вшаснъ,
Перепугалась онь грезы,
Изъ глазъ бѣжали градомъ слезы,
На сердце налегла шоска!
Уже мочило облака —
Предъ яснымъ ушромъ исчезали;
Къ кому идни въ такой печали?
Пришло идни къ ворожеѣ.

Въ лѣсной глуши, въ избушкѣ спарой,
Карга сидѣла на скамьѣ! —
Вскричала гостьѣ небывалой:
За чѣмъ пришла? или хочешь знань
Что видѣла ночью порою?
Скажу! — оборотясь спиною —
Предъ ушьемъ пѣчки ну шепшашъ,
Махашъ нестомъ, водишь бобами,
Тряся съдыми волосами —
Бормочешь: — горе надъ шобой!
Изъ прехъ любимый швой родной
Твою грудь шяжко озабонишь!
Поклонъ шарухъ! — машь уходишь...
Послушайте жъ... Апрель прошелъ,
Траву свезли, — ячмень посеѣлъ,
Крушья жнишвы наснушили,
Свиенишь въ поляхъ зубчатый сериъ,
Съ полей въ скирды убрали хлѣбъ,
А въ осень весь обмолосили;
Ужъ вьюги зимнїя завыли,
И обнажилея кусны,
По рѣчкамъ лдяные мосны,

Въ снѣгахъ укрылася поляна,
На день Святыхъ Кузьмы Демьяна —
Заговорили про наборъ! —
Что жъ? — Паштелея то и здали!
Вошь вамъ и сонъ, и съ шѣхъ то поръ —
Объ немъ и вѣщи не слышали!

Вздохнувъ Анисья говоришь: —
Какъ все сбылося справедливо!
И мнѣ привидѣлося диво!
И сердце — какъ въ огонь горшишь!
« Скажи, что случилось, — разнолкую. »

Вчера я видѣла во снѣ
Икону въ волонѣ свяную —
Въ углу переднемъ на снѣгѣ!
Крещусь! — и вдругъ ее не ешало;
Тужь на дворъ забушевало,
Градъ сыплешь и грехочешь громъ!
Колeblesя нашъ сельской домъ,
И вихремъ конь съ избы сорвало!
« Сонъ къ худу, диняшко мой свѣшь!

«Бѣда весь домъ вашъ потрясешь!
И скоро, скоро шо случится.»

Вдругъ подь косящимъ спучился,
Въ калишку брякнуло кольцомъ,
И слышуть говоръ за крыльцомъ; —
Глядятъ, и двери ошворились: —
Идентъ солдашь! — всѣ изумлились.
Оледенѣлые усы
Лица румянецъ закрываютъ,
Изъ подь гусныхъ бровей сверкають
Глаза на дѣвичьи красы,
Играють блескъ на свѣтлой мѣди!
Служивой шихо походить,
Съ улыбкой ласковой спросилъ:
Анися здѣсь ли на бесѣдѣ?

Ни ошъ кого ошвѣна нѣтъ,
Лишь у Анисы вершенце —
Упало на земь, — пряжа рвешся!
Молчишь, вздыхая слезы льешь.
«Зачемъ пугаешься солдаша?»

« Я вамъ землякъ, а не чужой,
« Анисья вѣснь принесъ ошь браша,
Еще подарокъ дорогой! »

Анисья венавъ перекрестилась,
За вѣснн низко поклонилась;
Примолвила : здоровъ ли ошь?
И хорошо ли поживаетъ?

« Солдаты печали языкъ не знаешь,
Живешь — всякъ счастливъ награжденъ. »

— Изъ дальняго ль родной ны края?

« Деревня наша близъ Валдая,
Синошь въ виду высокихъ горъ,
Гдѣ починають во весь опоръ —
На удалыхъ ленихъ шиблюю,
Звенишь веселье подъ дугою!

Братца мой Миронъ съ Оомой
Осналсь съ маперью родной,
А я, какъ видше, предъ вами
Солдаты! — покрыва грудь ремнями!
Иду до родины мой. »

Не ныль кормилец Паншелей?
Не о шебѣ ли машь гадала —
Что ей не жить на вѣкъ съ побой?

«Предъ нами часто смерть летала,
Когда кипѣлъ кровавой бой:
Свисѣли ядры, — пули градомъ!
А мы въ огонь, за полсадомъ,
На непріятеля — въ штыки! —
Насъ не забудутъ Поляки! —
И Варна, Эривань, Варшава,
Всѣ пещинали Русскихъ мочь!
Сломили ихъ! — Россіи слава!
Ивнухъ давно поспѣ полночь,
А я вамъ сыплю разговоры,
Забылъ свои родныя горы!
Обозъ шумитъ по еволобовой,
Проснитъ! — мнѣ пора къ родной.»

Ну, разводите впредь бобами,
Карць молвилъ, сидя за лапшами,
Вошь вѣрше грезамъ и каргамъ!

Дѣшина — красота собою!
Быль вѣрно въ пересоль врагамъ!
А чшобъ увидѣль за сохою?
Вся грудь у молодца въ кресахъ!
Придешь, — порадуешь селенье!
Раскажешь про военный страхъ —
Всѣ ужаснуша съ удивленья! —
Аишь жъ за печальный сонъ —
Госпинецъ, на сто верешъ!

ПРИЛОЖЕНІЕ СТАРЦА.

Въ виду Невы, рѣки серебряной,
На косогорѣ подъ лѣскомъ,
Подъ пной вѣковой, шѣпчущей,
Чернѣешь обвѣшалый домъ!
Предъ нимъ душистыми ерени,
Гвоздики, розы цвѣшущъ,
И хоры шницъ въ древесной шѣни
Пріятно по зорямъ поющъ;
Здѣсь удалась мірскаго шума,
И приносилъ подъ кровъ просной,
Жилъ мужъ, некрытый сѣдиной!
Въ его лицѣ дремала дума,
Но грудь радушіемъ полна,
Его беседа всѣмъ услада,
Въ совѣщахъ рѣчь его сильна;

Его веселье и опрада —
Хлѣбъ-соль съ друзьями раздѣляшь,
И пихой вечеръ провождашь
Въ бесѣдѣ мирной межъ друзьями!
Онъ часто поздними часами,
Между развѣсенныхъ рябицъ —
Сидѣть задумавшись одинъ,
Вспоминать дни молодые,
То, взоръ свой не сводя съ деревь,
Вздыхать, съ причешомъ жалкихъ словъ :
Давно ли рощица густая —
Ты, какъ кушарничекъ была?
Давноль подруга молодая —
Со мной здѣсь лацдыши рвала?
Давно ль подъ ивою сидѣли,
И пѣсни радости мы пѣли?
Какъ скоро времени рука
Чудесно все перемѣнила!
Ты все идешь подъ облака,
Моя слабѣешь бодрость, сила!
Ты споришь съ вихрями, шумишь,
Слѣбною швердою стоишь;

Меня — и малый шрескъ пугаешь,
И чуть не клонишь въшперокъ!
Тенерь одинь, лишъ посошокъ,
Какъ милый другъ мнѣ помогаешь;
Такъ сѣдовласый вспоминаль
Свое прошедшее, бывое,
И къ древу приклонясь, въ покоѣ
Онъ сладко, сладко ошдыхаль.

В. Ф. ФЕДОРОВОЙ,

при представлении сельской поэмы:
четыре времени года Русскаго поселянина.

Здѣсь нивы и луга цвѣтущіе,
Труды, забавы полевыя,
И сельской бытъ описанъ мной;
На радость нашу, Вы бѣ обратилъ
Въ приютъ нашъ мирный и пріятной,
Тогда бѣ и сами Вы казались
Для насъ прекрасною весной!

СТАРИННАЯ ПРИМЪТА.

Дѣдъ разсказывалъ родной,
Про старинную примѣту: —
Иней налещишь зимой —
Плодородному бышь лѣшу!
Имъ примѣчено сно разъ,
Онъ любя завѣрилъ насъ.

* * *

Спанемъ други веселнисья,
Посмотрнше, на древахъ —
Чистый иней серебнисья,
Будешъ радоснь на поляхъ!
Тоже дѣдъ швердилъ сно разъ:
Онъ любя завѣрилъ насъ.

* * *

Дружно снѣгъ лепишь клоками,
Чу! — морозъ стучишь, крупнишь,
Вьюга вьсена надъ полями, —
Небо счастье намъ даряшь.

Будемъ други веселишься,
Изобильный хлѣбъ родишь.

* * *

Тоже дѣдъ швердиль сно разъ,
Опъ любя завѣрилъ насъ!
Мы прилѣшой жишь умѣемъ,
Трудъ наполнишь закромы,
Хлѣбомъ мы разбогачьдемъ,
И помянемъ дѣда мы!

611 10450